

Московский Альмодовар

Русский театр в Испании поет на французском и немецком

Известия - 2002 - 28 авг - с. 10

Потрясающим в буквальном смысле слова надо назвать успех московского театра «Геликон-опера» в испанском аристократическом городке Перелате: две тысячи зрителей аплодировали руками и ногами, хлопая, топая и сотрясая знаменитые деревянные полы, которые сообщают этой замковой площади XIII века акустику хорошего собора.

Валерий КИЧИН

Давали «Сказки Гофмана» Оффенбаха, прямо под луной, у пруда с лебедями и в обрамлении седых от времени стен замка. Две тысячи зрителей разместились в специально сооруженном к фестивалю циклопическом амфитеатре — они приезжают на своих авто из Барселоны, Жироны, Фигераса и расположенной тут же, под божом, Франции, чтобы поиграть в казино, отклонуть в гольф-клубе и уже почти ночью, когда ступится темнота, слушать Лорина Маазеля и Лондонский симфонический, смотреть балет «Ла Скала», слушать «Орфея и Эвридику» Гюка и «Царя Эдипа» Стравинского. Предстоящие выступления «Геликон-оперы» привлекли общее внимание — все крупнейшие испанские издания уже напечатали восторженные рецензии на спектакли в Сантандере (я рассказывал о них в суботном номере «Известий»), особенно подчеркивая их революционную новизну и эротизм. «Сказки Гофмана» пели с десяти

«Лулу» — опера-зрелище, спектакль-кунсткамера, трагический парад аттракционов

вечера до часу ночи, голоса звучали мощно и страстно, финал поверг публику в счастливые слезы, особенно бурно приняли блистательную Ларису Костюк в партии Никлауса, Елену Вознесенскую (Антония) и тенора Николая Дорожкина — Гофмана. Аплодисментов такого накала я не припомню в лучших оперных залах мира.

«Геликон» в Москве работает на крошечной сцене, а за границей он предстает большим европейским театром, который в Ев-

ропе знают и ждут как главную российскую оперную труппу. Его создателя Дмитрия Бертмана в прессе называют революционером, возмутителем спокойствия российской культурной жизни, газета «Алерта» окрестила его московским Альмодоваром. «Звучание спектаклей совершенно и драматично до трепета сердечного, — пишет мадридская «Паис». — Этот театр излучает атмосферу воображения и творчества». «На нашей памяти еще не было фантазии столь расточи-

тельной», — пишет «Диарио российский оперную труппу. Его создателя Дмитрия Бертмана в прессе называют революционером, возмутителем спокойствия российской культурной жизни, газета «Алерта» окрестила его московским Альмодоваром.

«Звучание спектаклей совершенно и драматично до трепета сердечного, — пишет мадридская «Паис». — Этот театр излучает атмосферу воображения и творчества». «На нашей памяти еще не было фантазии столь расточи-

го шоу, парада шоковых аттракционов, театра-кунсткамеры — и ведь действительно прорубил окно в мир Берга: мы оказались внутри этой музыки, алогичное стало закономерным и естественным. На маленькой московской сцене цельность приема дробится: зритель вырывает взглядом детали оформления, но там невозможно оценить полностью игру линий и плоскостей, реальности и ее прихотливых отражений, ансамблевость проходящего перед нами паноптикума, сложное взаимодействие всех компонентов зрелища — гротескного, полного мрачного юмора и глубоких смысловых ассоциаций. «Лулу» — это еще и бенефис художников «Геликона» Игоря Нежного и Татьяны Тулубевой, окутавших спектакль аурой изысканного декаданса, превративших его в парад диковинных сюрреалистических образов, которые по-новому сильно воспринимались именно здесь, в Перелате, в трех километрах от знаменитого музея Сальвадора Дали, великого сюрреалиста и мистификатора.

Испания слушала обеих Лулу — Татьяну Куинджи и Марину Андрееву. Это очень разные Лулу: первая — плотская, хищная, земная, неотразимая, вариант Мэрилин Монро. Вторая — более европейская и декадансная, полна сладкой ядовитой истомы, вариант Марлен Дитрих. И Мэрилин и Марлен замечательно полют эту музыку, которую для стороннего слуха невозможно не только петь, но и выучить.